

2. Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника. Москва: Наука, 1989. 749 с.
3. Сафьянова А. В. Хозяйственная жизнь русского населения Верхнего Прииртышья во второй половине XIX – начале XX века // Хозяйство и быт западно-сибирского крестьянства в XVII – начале XX века. Москва: Наука, 1979. С. 109-142.
4. География Западной Сибири: Очерки природы и хозяйства. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1965. 204 с.
5. Эйриэ Ж. Б. Живописное путешествие по Азии, составленное на французском языке под руководством Эйриэ (Eugène) и украшенное гравюрами. Москва: Тип. А. С. Ширяева, 1839. Т. 1. 290 с.
6. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1982. 504 с.
7. Собанский Г. Г. Промысловые звери Горного Алтая. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. 159 с.
8. Формозов А. Н. Урожай кедровых орехов, налеты в Европу сибирской кедровки (*Nucifraga caryocastor macrorhynchus* Brehm) и колебания численности у белки (*Sciurus vilgaris* L) // Бюллетень научно-исследовательского института зоологии МГУ. Москва; Ленинград: Гос. мед. изд-во, 1933. № 1. С. 64–70.
9. Спасский Г. Путешествие на Тигирецкие белки // Сибирский вестник. 1818. Ч. 1. С. 43–65.
10. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской Императорской академии наук. Санкт-Петербург: Тип. Императ. акад. наук, 1786. Ч. 2. Кн. 2. 575 с.
11. Гуляев С. И. Алтайские каменщики // Санкт-Петербургские ведомости. 1845. № 30. С. 129–130.
12. Материалы для истории Сибири. Издание императорского общества истории и древностей российских при Московском университете. Москва: Университет. тип, 1867. 333 с.
13. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 16. Оп. 1. Д. 361. Л. 42.
14. Гуляев Г. Заметки об Иртыше и странах им орошаемых // Вестник Императорского русского географического общества. 1862. Ч. 3. Кн. 5. Отд. 4. С. 1–40.
15. Путешествие по Сибири и прилегающим к ней странам Центральной Азии по описаниям Т. У. Аткинсона, А. Т. фон-Миддендорфа, Г. Редде и др. Санкт-Петербург: Тип. М. О. Вольфа, 1865. 518 с.
16. Словцов И. Степан Иванович Гуляев: Биографический очерк // Лукич. 1998. Ч. 3. С. 70–125.
17. Потанин Г. Полгода на Алтае // Русское слово. 1859. № 9. С. 70–71.
18. Ядринцев Н. М. Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. 1880. Кн. 2. С. 1–147.
19. Ъ-Ъ. О сельдях в Телецком озере // Томские губернские ведомости. 1865. № 43. С. 1–2.
20. Кауфман А. А. Экономический быт государственных крестьян восточной части Томского округа и северо-западной части Марининского округа Томской губернии. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. XVIII. Санкт-Петербург: Тип. В. Безобразова и комп. 1892. 397 с.

УДК 930.2

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-198-202

Е. Ф. Фурсова

Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация

Локальные этнокультурные идентичности русских старожилов в предгорьях Южного Алтая¹

Аннотация. В статье сделана попытка раскрыть многообразие вариантов идентификации индивидов с локальными этнокультурными группами русских старожилов предгорий Южного Алтая на период конца XIX – начала XX в. по материалам этнографических экспедиций 1978–2000-х гг. Авторский подход заключается в том, чтобы исследовать указанную проблему на основе анализа коллективных народных названий (прозвищ) групп, не выделяя какую-то одну, учитывая при этом мнения соседей из близлежащих населенных пунктов. В результате исследования прослежены процессы развития исторического сознания и взаимодействия различных в культурном отношении этнокультурных групп, что нашло отражение в динамике распространения коллективных народных названий. **Ключевые слова:** локальные этнокультурные идентичности, историческая память, коллективные народные названия старожилов Сибири, старообрядцы.

Рассматривать локальную этнокультурную идентичность невозможно без обращения к фактам самосознания, исторической памяти индивидов, в данном случае, русских старожилов Южного Алтая периода конца XIX – начала XX в. В настоящей ста-

тье предпринята попытка раскрыть критерии этнокультурной идентичности через анализ полевого этнографического материала академических экспедиций 1970–2000 гг. о населяющих район группам и их коллективных названиях (самоназваниях и названиях, данных соседями). Разные иерархии и варианты идентичностей по материалам русских горожан из малых исторических городов центральной России были рассмотрены в статье С. С. Савоскула и, по заключению автора, немислимы без развитого исто-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект №18-09-00028а «Этнокультурная идентичность русского и других восточнославянских народов в Сибири (XVII – первой трети XX в.).

рического сознания, неотъемлемой частью которого они являются [1, с. 363]. В. А. Тишков еще категоричнее подчеркивал, что без истории нет и самой идентичности, если понимать под последней чувство сопричастности с той или иной общностью, культурой, ценностью [2, с. 6]. Проблема заключается в том, насколько это справедливо в отношении старожилов Сибири, которые считают себя здесь коренным «закаленным» (т. е. истинным) сибирским населением, насколько это соотносено с их исторической памятью как носителей русской идентичности.

Глубинное интервьюирование в ходе экспедиций проводилось, во-первых, в основном с людьми 1900–1920-х гг. р., не сомневающимися в своем русско-сибирском происхождении и относящими себя и своих предков к старожильческому населению. Во-вторых, беседы велись со старожилами по какой-то одной линии: отец – местный житель, мать из среды приезжих переселенцев из Европейской России или наоборот. Автор, как и большинство исследователей, к старожильческому населению относит потомков тех служилых людей, крестьян, которые поселились в Сибири до середины XIX в., т. е. до массового притока с европейских территорий.

Детальные расспросы о том, что думают о себе сибиряки или что думают о них их соседи, «копание в материале» дает картину идентичности первопоселенцев или тех, кто себя считает таковым в Западной Сибири. Приведем примеры из полевой практики в предгорных районах Южного Алтая, ранее занимавших значительную территорию Алтайского горного округа.

В верховьях р. Иртыш (ныне Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан) во время академической экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН 1995 г.¹ встречались коллективные названия местных старожилов «поляки», «чалдоны», «кержаки» наряду с региональной идентичностью «сибиряки» [3]. Если в XVIII в. П. С. Паллас писал о том, что на местах бывших форпостов были построены Шемонаиха, Екатерининская, Староалейская, которые заселялись «польскими поселенцами», то о бывших жителях этих мест – «казаках» – сведений в его записях не сохранилось. В материалах академических экспедиций ИАЭТ СО РАН такие упоминания тоже единичны. Например, о новопостроенной д. «Шемонаиха» Паллас сообщал, что жители «суть перешедшие из Польши поселяне», «кои Российского происшества, говорят языком русским и исповедуют древний Греческий закон» [4, с. 217]. Однако на момент работ Восточнославянской этнографической экспедиции 1995 г. местные жители называли Шемонаиху уже «чалдонским» селом, так как «поляков никого не осталось», а чалдонов рассматривали как потомков казаков, людей, приехавших неизвестно когда с р. Дон [5].

Если обратиться к этнографическим материалам по другим селам Шемонаихинского района, то

картина вырисовывается следующая. В д. Большая Речка одни жители называли себя и чалдонами и «закаленными сибиряками» [6], другие большепеченцы этот факт не подтверждали, считая население «кержацким». Действительно, в среде местных жителей на момент экспедиции проживало много потомков старообрядцев, в том числе потерявших память о религиозной принадлежности, но сохранивших атрибутику, например двуперстное знамение, иконы. Это говорит о том, что часть старообрядцев указанных сел, принявших сибирскую идентичность и название «чалдоны», впоследствии проявляли индифферентное отношение к старой вере дедов, сохраняли внешние символы.

Примечательно, что старообрядцы «стариковского согласия» д. Зевакино хотя и не считали себя чалдонами («деды все здешние»), но помнили рассказы бабушек о происхождении этой группы старожилов: «Приезжали с Чала и Дона казаки. Их потом стали звать чалдонами» [7]. В тех населенных пунктах, на которые информанты показывали как на «чалдонские» (с. Верх-Уба и Олеёнка), жители крестились «двумя перстами» и чалдонами себя не считали [8, 9]. По нашим наблюдениям, в Верх-Убе реально проживали старообрядцы поморского согласия, которые еще в 1990-е гг. ревностно соблюдали обычаи дедов и память об их происхождении «с запада»; жители же соседних сел называли их «поляшниками». Это говорит о том, что термин «чалдоны» становился постепенно общепринятым для обозначения групп старожильческого населения, а его содержание интерпретировалось в рамках положительно-го дискурса.

Немного севернее, в Третьяковском районе АК, Восточнославянская этнографическая экспедиция работала в июле 2000 г.² Информанты считали, что в деревнях Боровлянка, Плоское, Ново-Алейка, Верх-Алейка жили казаки и их потомки. Некоторые старожилы добавляли в этот список с. Шипунихи как «казачью станицу». Встречались также сельские жители, которые называли своих соседей или себя «поляшниками». Интересно, что при этом они могли добавить и более конкретную информацию. Например, Мария Венедиктовна Каплинская из с. Плоское, рассказывая про бабушку как «польку белорусскую», добавляла, что по материнской линии они выходцы из Воронежской губернии [10]. Валентина Семеновна Осипова из с. Староалейского вспоминала, что звали их «поляшками», но они «кацапы» из Рязанской губернии. Эти факты интересны тем, что в архивных документах упоминаются выходцы из этих губерний в качестве базовых для прежнего места жительства на Гомельщине [11]. Хотя в это трудно поверить, но по прошествии более двухсот лет потомки «поляшек» смогли сохранить память о своих столь отдаленных корнях. В отличие от других районов юга Западной Сибири здесь фиксировалось коллективное прозвище русских «кацапы», которое большинству русско-

¹ Руководитель – Е. Ф. Фурсова.

² Руководитель – Е. Ф. Фурсова.

го населения других сибирских районов неизвестно. Из местных староалейских фамилий информантами называются Выходцевы, Жолнэровы, Калашниковы, Осиповы [12].

В Третьяковском районе из массы сельских жителей, по неясным для нас признакам, чалдонами выборочно называли носителей конкретных фамилий. Например, Михаил Игнатьевич Шишаев вместе с супругой родились и всю жизнь прожили в д. Екатерининское и, так как «родители и деды здешние», их звали чалдонами [13]. В Екатерининском местными сибирскими фамилиями считались Бондаревы, Волженины, Даниловы, Лопатины, Раченковы.

Екатерининские старообрядцы сохранили молитвенные правила, двуперстие с большим пальцем посредине указательного, что, возможно, свидетельствует о забвении правила; свои старинные кресты они потеряли и носят «неизвестно за что». Сами старообрядцы рассматривали отступление от старых обычаев как «осибирячивание» под влиянием сибиряков-старожилов, казаков. Т. М. Степанова из Екатерининского вспоминала: «По лестовке молилась бабушка, а мама уже совсем осибирячилась и не имела лестовки» [14]. В качестве особенностей своей речи информант называла специфичное произношение местоимений «оны», «ён» и пр. Что касается с. Плоского Третьяковского района АК, то в 1990–2000-х гг. местные жители не идентифицировали себя ни с казаками, ни с чалдонами, но назывались сибиряками и кержаками («все здешние», «местные» фамилии в основном образованы от имени собственного — Алексеевы, Васильевы, Зиновьевы, Моисеевы и пр.).

К северо-востоку от Алея, в верховьях р. Ануй, в сс. Солонешно, Топольном, Сибирячихи местные жители еще в начале 1980-х гг. называли себя «поляками», в меньшей степени «кержаками», причем если первое еще можно рассматривать как самоназвание, то второе носители считали прозвищем [15, 16]. По материалам Алтайской этнографической экспедиции 1982 г.¹ можно оценить стереотипы поведения представителей этих этнографических групп. Пожилые селяне рассказывали: «Полячки лихие — на конях верхами, наши кержачки то тоже лихие, ну, те уже вовсе... Говорили — „дивно“, „пребольшущая“, „береть“, „пойдеть“. В Туманово говорили „що“, „к щаму“» [16]. Обозначение старожилов как «чалдонов» или «сибиряков» во время Алтайской экспедиции 1982 г. в приануйских селах практически не встречалось. Сторонники древнего благочестия называли старожилов-нестарообрядцев «мирскими», «церковными», «щепотниками». Среди последних в ануйских селах Черный Ануй, Усть-Мута и некоторых других встречались потомки казаков (по данным информантов, это донские казацкие семьи Походовых, Зарубиных). Впрочем, потомки казаков встречались здесь и в других местах. Так, в беседе со старожилом в с. Топольное А. А. Поповым

выяснилось, что он по отцовской линии составлял пятое поколение Поповых на Алтае (по другой линии они являлись забайкальскими казаками). В конце XIX — начале XX в. в приануйских селениях наблюдалась ситуация смешения старообрядцев с другими группами старожильского населения (например, казаками), что приводило к распространению старообрядчества [17].

Во время работ Восточнославянской этнографической экспедиции в 1998 г.² в Солонешенском районе АК было установлено, что местное население считает кержацкими деревни Солонешное, Солоньку, Черемшанку. Про Сибирячиху, Тальменку, Топольное, Туманово рассказывали, что там «живут русские полячки» [18, 19]. Сибирячихинские «полячки» выделялись особенностями произношения: «синиса», «улиса», «птиса» и пр. В старообрядческих семьях нередко излагались факты, противоречащие один другому. С одной стороны, информанты соглашались, что старообрядцев-беспоповцев здесь называют «кержаками» и это будто бы связано «с Кержач-рекой», с другой стороны, сами они себя кержаками не называли, но вспоминали, что их прадеды «с Курской губернии», «из-под Москвы». Анна Антоновна Филиппова из Топольного вспоминала, что, по семейному преданию, деды по матери «воронежские», по отцовской линии — «орловские» [20]. Могли говорить и достаточно обтекаемо, подчеркивая древность сибирских корней: «Сроду здешние и родители и деды».

Из расспросов можно сделать вывод о том, что под влиянием старообрядцев часть переселенцев Солонешенского района перешла «в старую веру». Например, Василиса Евсеевна Маркович, привезенная в детстве из Витебской губернии, у которой «мать молилась щепотью», под влиянием соседки П. С. Огнёвой «стала староверкой» [21]. Старообрядческими фамилиями считались Архиповы, Добрыгины, Огнёвы, Паутовы (в Тумановой), Аникины, Губины, Князевы, Ломакины, Филипповы (в Топольном), во многих местах — Черепановы, Шмаковы и др. Критерием отнесения к старообрядчеству, помимо религиозных факторов, были поведенческие стереотипы, включавшие обычай «иметь свою посуду», «разбирать из чего пить» [22]. О переселенцах с Дона как своих соседях местные жители рассказывали, однако к «донцам» коллективное название «чалдоны» здесь не применялось.

Обратимся к материалам тех районов юга Западной Сибири, где проживали потомки казаков Сибирского линейного казачьего войска, которых, как известно из исторических источников, в середине XIX в. обратили в государственных крестьян [23, с. 322]. Согласно материалам этнографической экспедиции 1988 г. по Чарышскому району АК, казаки проживали в селах Чарышское, Большой Башцелак, Малый Башцелак, Ивановка, Тулата, Слюденка, Рожки. Как сообщали местные жители, наряду с казаками в этих селах издавна проживали и старообряд-

¹ Руководитель — канд. ист. наук Л. М. Русакова.

² Руководитель экспедиции Е. Ф. Фурсова.

цы, известные как «кержаки», изредка встречались упоминания о «поляках». Вместе с тем и те и другие называли себя «крестьянами», «сибиряками» («башчелакские деды все сибиряки»). Башчелакские сибиряки были убеждены, что здесь «все деды и прадеды родились» [24], «дедов выслали, откуда не известно» [25]. Часть казаков придерживалась старой веры («казаки по вере старообрядцы»), часть являлись прихожанами официальной православной церкви. При этом в последнем случае информанты «из казачьих семей» были твердо убеждены в необходимости перекрещивания девушки-невесты старообрядческого вероисповедания. Зинаида Андреевна Казакова, потомственная казачка, рассказывала о своей семье и ее традиции: «Отец отслужил четыре года. Женился на казачке, на кержачках не женились. Если на кержачке, так те переходили в православие» [26]. По рассказам местных жителей-старообрядцев, с казаками имели место разногласия, так как, с их точки зрения, последние «были жесткими людьми» [27]. Запомнились казаки также своими красивыми песнями, их мастерским исполнением. Группы старожильского населения бассейна р. Чарыш — казаки, старообрядцы-кержаки, «поляки», точнее, их потомки в конце XX в. хотя и обладали памятью о социокультурной принадлежности дедов, однако из всех уровней собственной идентичности выделяли в основном «сибиряков» [28].

На казаков как на «местных» жителей указывали информанты в Колывани АК, однако более уверенно здесь назывались все же «сибирские» фамилии (Белоусовы, Половинкины, Поднебесновы, Харловы и пр.), чем казачьи (Зудовы). Видимо, уже к началу XX в. потомки казаков постепенно стали применять к себе региональный идентификационный термин «сибиряки» и не располагали информацией (или игнорировали ее?) еще об одних претендентах на связи с Доном — «чалдонах».

Заключение. Автор на основе полевых этнографических материалов 1978–2000-х гг. сделал попытку раскрыть многообразие идентичностей локальных этнокультурных групп русских старожил в предгорьях Алтая. Наряду с интервьюированием самих носителей традиций была произведена синхронизация мнений по этому вопросу среди соседей, жителей близлежащих деревень. Часть выявленных коллективных названий групп русских старожил имеет общесибирское распространение («чалдоны»), часть используется в Сибири для обозначения старообрядцев («кержаки»), часть известна только на Южном Алтае («поляки», «поляшки», «белорусские поляки» и т. п.). В отличие от многих северных территорий Западной Сибири, старожильская идентичность «чалдонов» как потомков донских казаков существовала здесь с идентичностью сибирских линейных «казачков», хотя представители этих групп между собой различались. Связанное с регионом коллективное название «сибиряки» чаще фиксировалось среди селян, считавших себя потомками казаков, а также сторонников официального правосла-

вия чалдонов, в меньшей степени у старообрядцев-«поляков». Чувство принадлежности к русскому этносу наблюдалось у представителей всех этнокультурных групп как нечто само собой разумеющееся, поэтому информанты говорили об этом только, когда их спрашивали.

Встречающаяся на Южном Алтае динамика обозначений старожил («чалдоны», «кержаки») свидетельствует о протекавших здесь процессах консолидации и ассимиляции одних этнокультурных групп другими. В отличие от жителей Среднего Приобья, местные старожилы мало осведомлены о мифе о донской прародине, что, возможно, служит показателем позднего распространения здесь этого термина из более северных районов. Можно говорить о процессах приобретения «новой» идентичности локальными этнокультурными группами и отражении этих процессов в индивидуальном сознании ее членов, например в результате смешанных браков «поляков» и кержаков, чалдонов и старообрядцев, казаков и старообрядцев. На религиозном уровне успеху русской этнокультурной идентичности старожильского населения способствовала принадлежность к православному вероисповеданию основной массы селян, включая и такое его ответвление, как старообрядчество.

Экспедиционные материалы свидетельствуют о значительном культурном влиянии компактной группы старообрядцев-«поляков», которые стали считаться в местах прибытия «старожилами» и примерили к себе новые коллективные названия, прежде всего популярных в Западной Сибири «чалдонов». Удаленность «поляков» в гористой местности Алтая не привела к такому сохранению этнокультурной идентичности, как в родственной им группе «семейских» Забайкалья, хотя, как уже указывалось, их культурное влияние в крае оказалось очень заметным. Об этом свидетельствуют, в частности, факты перехода сторонников официального православия в старообрядчество. Размыванию этнокультурной идентичности «поляков» способствовали контакты (браки) с другими старообрядческими группами беспоповских согласий — носителей северных или северо-восточных традиций (кержаков). Тем не менее феномен исторической памяти отдельных представителей этой группы, хотя бы и в единичных фактах, еще проявлялся в 1980–1990-х гг. После многолетнего проживания на Гомельщине (на территории бывшей Речи Посполитой) и по прошествии более двухсот лет после переезда в Сибирь потомки «поляшек» сохранили семейные предания, память о столь отдаленных корнях исхода предков из Воронежской, Курской, Орловской, Рязанской и других губерний.

E. F. Fursova

Local ethnocultural identities of Russian old-timers in the foothills of the Southern Altai

Annotation. The article makes an attempt to reveal the variety of types and identify criteria for identifying individuals with local ethnocultural groups of Russian old-timers in the foothills

of the Southern Altai for the period of the late XIX - early XX centuries. based on materials from ethnographic expeditions in 1978–2000. The author's approach is to investigate this problem based on the analysis of collective folk names of groups (nicknames), without highlighting any one and taking into account opinions among neighbors from nearby villages. As a re-

sult of the study, the processes of the development of historical consciousness and the interaction of culturally different groups were traced, which was reflected in the dynamics of the spread of collective folk names. **Keywords:** *local ethnocultural identity, historical memory, collective folk names of old-timers of Siberia, Old believers.*

Источники и литература

1. Савоскул С. С. Историческое сознание и российская, русская и локальная идентичности // Историческая память и российская идентичность. М.: РАН, 2018. С. 342–364.
2. Тишков В. А. Междисциплинарный взгляд на историческую память и идентичность // Историческая память и российская идентичность. М.: РАН, 2018. С. 5–11.
3. ПМА 1995, № Р 21/45 об.
4. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. Ч. 2. Кн. 2. Санкт-Петербург, 1786. 575 с.
5. ПМА 1995 г.: Шемонаиха, ВКО. Агафонова А. Н. 1915 г. р.
6. ПМА 1995 г.: Шемонаихинский район, д. Большая Речка ВКО. Серохвостова Е. И. 1914 г. р.
7. ПМА 1995 г.: Шемонаихинский район, д. Зевакино ВКО. Боровикова П. И. 1928 г. р.
8. ПМА 1995 г.: Шемонаихинский район, д. Верх-Уба ВКО. Челимкина Е. П. 1919 г. р.
9. ПМА 1995 г.: Шемонаихинский район, д. Верх-Уба ВКО. Синельникова А. Л. 1916 г. р.
10. ПМА 2000, № 45/16: Третьяковский район АК, род. в д. Плоское. Каплинская М. В. Участница фольклорной группы «Русская песня» в д. Староалейское.
11. Лебедева А. А. К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта (XIX – начало XX в.) // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. Москва: Наука, 1969. С. 104–188.
12. ПМА 2000, № 45/17, 18. Третьяковский район АК. Информация от участниц фольклорной группы «Русская песня» в д. Староалейское.
13. ПМА 2000, № 45/18 об.: Третьяковский район, д. Екатерининское АК. Шишаев М. И. 1926 г. р.
14. ПМА 2000, № 45/19 об. – 20: Третьяковский район, д. Екатерининское АК. Т. М. Степанова. 1915 г. р.
15. ПМА 1982, № 9/10: Солонешенский район, д. Топольное АК. Паутова Е. Л. 1917 г. р.
16. ПМА 1982, № 9/11 об.: Солонешенский район, д. Топольное АК. Архипова А. С. 1917 г. р.
17. ПМА 1982, № 9/28, 31: Усть-Канский район, д. Усть-Мута РА. Упорова Ф. Н. 1905 г. р.
18. ПМА 1998, № 38/5 об.: с. Солонешное АК. Маковеева П. Я. 1926 г. р.
19. ПМА 1998, № 38/18 об.: Топольное Солонешенского района АК. Архипова А. С. 1916 г. р.
20. ПМА 1998, № 38/21 об.: Топольное Солонешенского района АК. Филиппова А. А. 1918 г. р.
21. ПМА 1998, № 38/8: с. Солонешное АК. Маркович В. Е. 1926 г. р.
22. ПМА 1998, № 38/9 об.: с. Солонешное АК. Огнёва П. С. 1918 г. р.
23. Исаев В. В., Дунец А. Н. Традиционная культура сибирского казачества в историко-культурном наследии Алтайского края и перспективы ее использования в туризме // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 4 (47). С. 322–324.
24. ПМА 1988, № 14/57 об., 58: Чарышский район, д. Большой Башчелак АК. Березикова М. П. 1908 г. р.
25. ПМА 1988, № 14/86 об.: Чарышское АК. Чекмарев А. Г. 1947 г. р. (?)
26. ПМА 1988, № 14/80 об.: Чарышское АК. Казакова З. А. 1906 г. р.
27. ПМА 1988, № 14/81: Чарышское АК. Елизарова П. П., 1918 г. р.
28. ПМА 1988, № 14/68: Чарышский район, д. Ивановка АК. П. В. (без фамилии). 1927 г. р.

